

development of ethnic groups is marked by the domination of natural and biological determinants over social (the basis of this stage of ethnogenesis are family ties that penetrate the entire sphere of social relations), then at the national stage, in which the integration of ethnic communities in the nation between which interethnic relations are formed, social components begin to dominate the natural. Leading nation-states and their citizens historically passed all the "floors" of ethnogenesis. As for immigrants from the states of "traditional" culture, they "get stuck" in the elevator of the blood-related (tribal) stage. Therefore, criticism of the policy of multiculturalism is primarily aimed at supporting not only culture, but also the communities that take on the mission of representing the interests of the entire ethnic group. Such community support stimulates the development of group identity, replacing the identity of the individual, consolidating the power of the community over the individual. Thus, there is an artificial preservation of traditional-communal relations, and the individual integration of representatives of different cultures in civil society is impeded.

Key words: *multiculturalism, tolerance, nation, civil identity, ethnogenesis, polyethnicity.*

УДК 111:572

В.А. Косяк

Сумской государственный педагогический
университет имени А.С. Макаренко

ЭНАКТИВИЗМ, «UMWELT» И МИР КУЛЬТУРЫ

Когнитивный эмпирический субъект рассматривается как телесно воплощенное «Я» в единстве познания, опыта и активного действия, посредством которых внешняя среда становится его миром – umwelt – обратно на него влияющим. Показывается, что миры жизненных смыслов разнятся в зависимости от «масштаба личности». Обосновывается, что познавательная активность актора создает окружающую его предметную среду, вторую природу, мир артефактов, что телесный (чувственный, двигательный) опыт субъекта выступает базовым в разных формах культуры.

Ключевые слова: *энактивизм, umwelt, телесный опыт, телесность познания, когнитивная двигательная активность, органопроекция, мир культуры.*

В парадигме неклассической эпистемологии, отмечает Л.А. Микешина, констатируется «изменчивость самой рациональности, познавательных норм и критериев», включенность субъекта в реальный мир коммуникации вместе с

изменением онтологии «Я» и отказом от субъектоцентризма. В самосознание субъекта включается самовосприятие как осознание своей телесности и положения своего тела в реальном мире [9, с. 183]. Пришло понимание того, что в самопознании, познании и созидании присутствует «весь человек с духом, душой, телом и культурой» (В.П. Зинченко). Теперь познающий человек – это не трансцендентальный, интеллигибельный, априорно познающий, – но эмпирический субъект, телесный индивид, существующий в пространственно-временном континууме, включенный в социум, культуру, в отношения с другими людьми, и потому вправе рассчитывать не место для себя в новой эпистемологии. Одним из главных измерений «Я» в неклассическом понимании становится его телесная воплощенность (В.А. Лекторский), ставшая после

А. Шопенгауэра, Ф. Ницше и других философов жизни одним из увлекательных сюжетов.

Согласно энактивистам, пишет Д.В. Иванов, когнитивные процессы не могут быть поняты как абстрактная функциональная (компьютеционистская) система, лишенная конкретного телесного воплощения, без репрезентации-в-действии, что довольно сильно отличается от классического понимания ментальной репрезентации. Репрезентация-в-действии обозначает динамическое состояние всего организма, его способность определенным образом действовать, ориентироваться в окружающей среде [3, с. 63]. В энактивизме эвристической видится философская рефлексия, охватывающая одновременно телесные и духовные измерения реальности, что стало особенно востребованным в постнеклассическом философском творчестве. В нем показано, что мысль, рождаемая в телодуховной рефлексии более убедительна, чем та, которая держится только за телесное и не может над ним подняться, или, напротив, парит в духовных эмпиреях, не способная укрепить себя касанием с телесным. (Польза неразрывности с телесно-земным предельно выражена в мифе об Антее). Наше слово, пишет Э.В. Комина, всегда тесно связано с нашим телесным опытом, с сенсорными впечатлениями, «с моторикой, с жестом, так как содержит в себе образ и связанное с ним психологическое движение, неотделимое от физического движения». Синестезия в языке также является признаком телесности нашего сознания, сексуализированности и сенсуализированности языка, того, что язык всегда вращается вокруг тела [6, с. 88, 90].

Энактивизм и автопоэзис объединяют представления о единстве организма и среды, внешнего и внутреннего, субъективного и объективного, а также представления об общности понятий жизни, познания, опыта и активного действия, в котором внешняя среда становится продолжением актора, становится его «Umwelt». Это понятие предложено Я. фон Иксюлем в 1909 г. и означает мир смыслов живого существа, который определяет его

активность в феноменальном мире опыта [5]. Последний, согласно концепции энктивизма, осваивается и расширяется во взаимодействии познающего субъекта (когнитивного агента) с окружающим миром. Взаимодействие это таково, что субъект встраивается в мир, а мир встраивается в него. То, что может быть вовлечено в наш опыт, стать нашим миром смыслов – Umwelt – определяется нашей телесной организацией во всей совокупности ее психомоторных и ментальных возможностей познающего и созидającego действия. (В концепции телесности познания – embodied cognition – живое существо воспринимает и познает мир не только мозгом, но и всем телом, пребывающем в действии [4]). «Заземляющая» правда такова, что действующие люди являются действующими телами.

Umwelt – это созданный нами мир, обратно влияющий на нас. Это мир наших природных и социокультурных связей и отношений. Это мир наших движений (совершенствование которых есть лучший способ совершенствования человека [12]), наших поведенческих актов и откликов на эти акты. Миры живых существ в природе – это их экологические ниши, миры людей – их социокультурные и другие ниши. «Соседство» сообщающихся Umwelten разных живых существ, или разных общностей в социальном мире, образует некий эколандшафт. Umwelt содержит в себе не только видовые, но и индивидуальные характеристики, специфические и разные по объему [5].

Umwelt ученого – это мир значимых для него книг, коллег, учеников. Umwelten философа, писателя, художника, поэта – это миры их творчества. У В. Набокова – это сугубо эстетическое, чувственное понимания мира. «Все, что у меня есть, – писал он о себе, – это мой стиль». Umwelt титулярного советника Акакия Акакиевича из гоголевской «Шинели» – это «разнообразный и приятный мир» переписывания бумаг. «Вне этого переписывания, казалось, для него ничего не существовало» (Н. Гоголь). Umwelt каждого человека изменяется на протяжении всей его жизни под влиянием внутренних причин и привходящих факторов. У людей сильных и масштабных Umwelten несоизмеримо богаче, чем у людей «сырых, убогих и немощных». Подобных людей ждал Ф. Ницше (см. «По ту сторону добра и зла»): высших, более сильных, победоносных, более веселых, таких, у которых прямоугодно построены тело и душа, «смеющихся львов», которые выше «счастья большинства» с его маленькими добродетелями, маленьким благоразумием, боязливой осторожностью, жалким довольством [10, с. 204–207].

Энктивированное познание – это действенное познание. Через двигательную активность формируются когнитивные способности живого организма как в онтогенезе, так и в филогенезе. Познавательная двигательная активность создает саму окружающую по отношению к познающему субъекту предметную среду, вторую природу, мир культуры. По Фельденкрайзу, механизмы двигательного саморазвития и самосовершенствования человека в

онтогенезе, постоянное их функционирование формирует его интеллектуальную сферу. Иными словами, процесс двигательного самосовершенствования человека подразумевает не только развитие его физических кондиций или навыков движений, но и собственно интеллектуальное самосовершенствование [12]. Эта идея более 150 лет назад подвергалась глубокому осмыслению И.М. Сеченовым в «Рефлексах головного мозга» (1863 г.). Впоследствии в цикле работ «Впечатления и действительность», «О предметном мышлении с физиологической точки зрения», «Элементы мысли» и других, он, опираясь на достижения физиологии органов чувств и исследования функций двигательного аппарата, развивал идеи о мышце как органе достоверного познания пространственно-временных отношений вещей.

Согласно Сеченову, чувственные сигналы, посылаемые работающей мышцей, позволяют строить образы внешних предметов, а также соотносить предметы между собой и тем самым служить телесной основой элементарных форм мышления. Н.А. Бернштейн, говоря в «Биомеханике и физиологии движений» о движении, как о почти единственной форме жизнедеятельности, в процессе которой организм не просто взаимодействует со средой, но и стремится изменить её в потребном ему отношении, ссылается на всеобщую значимость фундаментального научного труда Сеченова. При этом он констатирует, что более чем за 100-летний период уяснилось неотъемлемое участие движения во всех актах чувственного восприятия, в воспитании органов чувств в период раннего детства, наконец, в активной выработке объективно верного отражения в мозгу путем выверки синтеза восприятий через практику. Осмысленные параллельно с трудами Сеченова и Бернштейна основные идеи Фельденкрайза могут быть сконцентрированы в логической максиме: совершенствование движений есть лучший способ совершенствования человека.

Двигательная активность человека отличается от других живых существ богатой комбинаторикой, что обусловлено диверсивностью обстоятельств и ситуаций, в которых оказывается человек. Разнообразием движений тела человека определяется и разнообразие видов его деятельности. Посредством движений удовлетворяются самые разнообразные человеческие потребности, то есть создается разнообразный мир культуры.

Познающий субъект и окружающий его мир находятся в отношениях взаимной детерминации (М. Мерло-Понти). Телесный (чувственный и двигательный) опыт субъекта выступает базовым в разных видах жизнедеятельности человека, в разных познавательных полях, в разных формах культуры. Взаимное предоставление возможностей субъекта и окружающей среды – это и есть подлинное энактивированное познание. Концепция энактивного познания (энактивизма) становится все более влиятельной в современной когнитивной науке. Влиятельной потому, что она

развивается в русле современных широко распространенных конструктивистских ориентаций в эпистимологии, психологии, социальной философии, теории управления и исследовании будущего. В этой концепции субъект познания, когнитивный агент рассматривается как активный и интерактивный: он активно встраивается в среду, его когнитивная активность совершается посредством «вдействия» в среду, ее энантиогенеза, поскольку восприятие, мышление, созидание невозможны без действия. Когнитивная и культуросозидающая активность нуждается в действии. По словам А. Бергсона, «наша мысль изначально связана с действием». Именно по форме действия был отлит наш интеллект, отмечает он в «Творческой эволюции». В конце двадцатого века нейробиологи обнаружили, что между концептуализацией, чувственным восприятием и моторными системами тела существует на биологическом уровне связь. Более того «познание через действие» является базовым для человека и животного: «обучение через действие» («learning by doing») (Е.Н. Князева). Л.С. Выготский в «Этюдах по истории поведения» отмечает, что оперирование материальными предметами, имеющее спонтанный, пробный, игровой характер, сыграло решающую роль в развитии у высших млекопитающих интеллекта как изобретательной, креативной функции мозга. Играя, выполняя те или иные действия, двигаясь, будь то человек или животное находят правильные решения, устраняют препятствия на пути своих намерений. Мир человека как мир культуры возникает вместе с его действием.

Уже элементарное действие древнего человека, оставляющего отпечаток своей ладони в глине, транспонировало внутренне во внешнее и, казалось, позволяло остановить время, одолеть смерть, и тем самым осознавалось как значительное, причастное вечности. Так чувственный мир действиями тела человека становился говорящим. В нем воплощалось «Я» во взаимопереходах внутреннего и внешнего. С обретением языка культурных символов, знаков, кодов человек расставлял смыслы, комбинировал, менял их местами, увеличивая присутствие человеческого в природном. Совершалось опосредованное выражение духа через плоть. Из обычных вещей и подручных средств рождался мир необычный, и возникала иллюзия овладения этим миром [7, с. 63].

Наша жизнедеятельность, свободная от частных обстоятельств или подчиненная всеобщей связи вещей, всегда есть деятельность «мыслящего тела» (Б. Спиноза) как мыслящего вещества в мире тел – перемещение его среди других тел в поиске своего жизнеобеспечения. Эти, сообразованные с целью выживания, перемещения нашего тела и его частей в пространственно-временном континууме совершаются, будучи ведомы инстинктом жизни в мире иных тел. Согласимся с Г. Зиммелем: мы совсем не понимали бы пространство или понимали бы его совершенно иначе, если бы не двигались в нем, причем характер наших движений выражает характер нашего понимания

[2, с. 250]. Мир тел и мир идей могут выступать (и выступают) препятствием на пути мыслящего тела к объектам – предметам его интенциональности. Препятствия эти каждый раз индивидуальны и случайны, поэтому набор заранее заданных «алгоритмов» не может обеспечить действий, адекватных препятствию, так как «движение – это всякий раз коррекция» (Н.А. Бернштейн). Непрерывно, осознанно или неосознанно, человек корректирует траектории движений, их кинематические, динамические и ритмические составляющие, осуществляет рефлексию внешних действий собственного тела, наблюдение, слежение за его действиями среди других тел. Правки внешней структуры движений и их рефлексия становятся возможными потому, что тело наше одновременно и видимое, и видящее. Способное видеть все вещи, оно видит и самое себя, замечая в видимом «оборотную сторону» своей способности видения. «Можно говорить о появлении человеческого тела, когда между видящим и видимым, осязающим и осязаемым... образуется своего рода скрещение и пересечение...» [8, с. 16].

Дифференциации и координации движений человек начинает учиться с момента появления на свет, повторяя в онтогенезе филогенетический путь обучения. Вначале движения совершаются спонтанно и хаотично, затем все более упорядоченно под влиянием наставников и общественных норм, приобретая, по-видимому, характер ортогенеза. Развивая правильность движений, человек развивает также правильность духа, интеллекта. Но, по принципу обратной связи, дух может корректировать развитие тела, чему мы находим подтверждения в восточных системах телесно-духовного совершенствования человека, основанных на сакральной философии и практике. Телесный опыт постоянно направляют индивида через коллективную Память, коллективный Опыт и Разум к совершению наиболее целесообразных действий, ко все большей адаптации к внешней среде и ее коррекции под себя. Многократно повторяющиеся условные рефлексы в ходе эволюции во многих поколениях углубляются в хромосомном субстрате устойчивой видовой наследственности. Таким образом, в процессе эволюции ряд повторяющихся из поколения в поколение жизненно важных условнорефлекторных механизмов превращаются в безусловнорефлекторные реакции, которые преобразуются в наследственную предрасположенность. А последняя, взаимодействуя с социальной средой, определяет существенные моменты целесообразной двигательной орудийной деятельности индивида, без которой невозможен мир культуры.

В контексте телесного происхождения артефактов философско-эвристический интерес представляет рефлексия происхождения культуры, как суммы продуктов человеческой деятельности, в парадигме «органической проекции» немецкого философа Э. Каппа, изложенной им в работе «Основные направления философии техники. К истории возникновения культуры с новой точки зрения» (1877). Капп предложил рассматривать культуру как проекцию

человеческих органов, способностей и жизнедеятельности, в результате которой был создан предметный универсум второй природы. Человек, согласно Каппу, бессознательно делает свое тело масштабом и для природы (как, например, в случае десятичной системы счисления – десять пальцев), и для творимого им искусственного мира, в котором объекты техники являются органической проекцией человеческого тела, воплощением в них органов тела человека. Но речь идет не столько о копировании этих органов в технических созданиях, сколько об общем принципе – все объекты техники являются объективированной человеческой деятельностью. Человек в созданном своей рукой видит объективированным нечто от своего собственного «Я», воплощенный в материи мир своих представлений. Поэтому все средства культуры могут быть поняты как реальное продолжение человеческого организма в смысле перенесения вовне внутреннего мира человеческих представлений [1, с. 47].

Первые орудия были непосредственной проекцией органов (например, кулак является прообразом молотка), всего лишь подкреплением и усилением телесных органов. Чтобы отличить их от более сложных артефактов и систем, Капп вводит различие первичных и вторичных орудий. Первичные орудия – это «эмбрионы орудия», то есть те, которые человек употребляет впервые, такие как камень, сук и т.п. Потом, на основе применения уже этих первичных орудий, стали создаваться вторичные орудия. Кроме того, важно отличать естественные и искусственные орудия. Первым и главным природным орудием человека является его рука – «орудие орудий», которое служит образцом для механических орудий. Первые орудия были продолжением, подкреплением и усилением телесных органов. После первых орудий появляются аппараты и инструменты, которые человек создает по образу и подобию своих целых органов. Например, глаз, как орган зрения, является образцом для всех оптических приборов, а ухо – для акустической техники. Органопроекцию можно видеть также в железных и других дорогах, покрывших сеть весь земной шар, поскольку они являются отражением системы кровеносных сосудов в организме – это коммуникационные артерии, по которым циркулируют продукты, необходимые для существования человека, а телефонные сети естественно сравнить с нервной системой [1, с. 48].

В процессе взаимодействия с окружающим миром человек достраивает свое когнитивное органическое тело телами неорганическими – орудиями труда и познания. Вначале это палка в руке кроманьонца, камень, бросаемый им, чтобы «достать» убегающую добычу. Праща, бумеранг, копье, лук со стрелой, огнестрельное оружие несказанно удлинители добывающую и познающую руку человека; а ракетой достроенная удлиненная рука позволяет ему взять образцы с поверхности Луны [11, с. 152]. Орудия наделяют тело человека множеством «когнитивных степеней свободы», поскольку мироздание, в конечном счете, в форме известных на сегодня проявлений

неживой природы, может стать неорганическим телом человека. Практическая универсальность человека столь велика, что он всю природу превращает в свое неорганическое тело, в жизненное средство для себя, в орудие своей жизнедеятельности. Благодаря многообразию проявлений двигательной познающей функции тела, дополненности его сенсорных систем орудийными предметами-телами, телесные органы человека могут выполнять бесконечно многообразные культурные функции, что находит подтверждение в распространении новых технологий, в космизме земной человеческой деятельности. Радиус действия человека становится едва ли не бесконечным, полагание его эвристических целей беспредельно далеко, воления и интенции его мультимногообразны.

Посредством телодвижений, которые коэволюционно корректируются, совершенствуются, окультуриваются и культивируются, человек научился вначале владеть сколами с камней как скребками, долотами, ножами, топорами и т.д., научился изготавливать орудия лова, охоты, защиты от других охотников и обработки земли. Тонкая двигательная дифференцированная способность руки к многообразным манипуляциям позволила человеку уже мадленской эпохи создавать шедевры пещерной графики. Затем совершенная рука, в марксистском понимании, смогла создавать совершенные картины, музыку и статуи. Это стало возможным потому, что между внутренними тонкими энерго-информационными субстанциями и логической, инструментальной деятельностью изначально существуют иерархические причинно-следственные отношения, потому что, как отмечал И. Кант, по мере формирования тела человека совершенствуются и его мыслительные способности. Потому что, как писал Лукреций Кар в поэме «О природе вещей», силы души возрастают одновременно с силами тела.

В любой человеческой деятельности изначально присутствует ее базовый телесно-двигательный компонент как предпосылка развития человека и человечества. В любую свою деятельность человек «привносит свое тело», свои «боли, беды и обиды» переживания, вожеления и экстазы, свое естество. Художник оснащен только той «техникой», которую приобрели его глаза и руки, и не ясно, каким образом смог бы писать картины сам Дух. «Художник, преобразуя мир в живопись, отдает ему взамен свое тело» [8, с. 13]. И чем интенсивнее этот процесс перевода движений души в иннервации тела, в ритм видения и осязания, тем скорее, возможно, обновляется или «сгорает» естество художника. Творческое горение (мощные траты душевной, психологической энергии) – не метафора, а медицинская констатация (Шенье, Бодлер, Ван Гог, Пиаф, Высоцкий). Конечно, художник не переносит, например, свой жест механически в свою картину, но его движения во многих опосредованиях определяют понимание и толкование им своего реального окружения. В восточноазиатской каллиграфической живописи, замечает Г.

Зиммель в «Созерцании жизни», движения кисти непосредственно следует за физиологией движений руки, и очарование состоит в непосредственном выражении чувств через личность, через ритм и естественность движений руки. В иных картинах можно почувствовать значительность и красоту габитуса их создателей. Так, возвышенная образность, глубокая философичность картин на исторические, мифологические, религиозные темы находят как бы соответствие в телесной явленности облика Н. Пуссена (1594–1165). Артистизм наружности К. Брюллова (1799–1852) перекликается с привнесенными им в живопись русского классицизма чертами романтизма. Внушающая душевное спокойствие монументальная устойчивость, былинная мудрость и эпичность пейзажей И. Шишкина (1832–1898) соответствуют его былинной фигуре и богатырской осанке.

Человек привносит свое тело не только в творимые им артефакты. Он весь предметный мир делает продолжением своего телесного «Я», своим неорганическим телом. Все вещи и среда, созданные для жизни человека, оказываются продолжением его душевно-телесной организации. Благодаря универсальности телесных органов человека, благодаря их бесконечной пластичности (яркий пример – рука) человек выходит из своей витальной среды, все более осваивает Универсум и на основе этого творит бесконечно многообразный мир культуры.

ЛИТЕРАТУРА

1. Горохов В.Г. Основы философии техники и технических наук: учебник. – М.: Гардарики, 2007. – 335 с.
2. Зиммель Г. Избранное. Созерцание жизни. – М.: Юрист, 1996. – Т. 2. – 607 с.
3. Иванов Д.В. Радикальный энактивизм и проблема субъективности // Вопросы философии. – 2016. – №11. – С. 60–69.
4. Князева Е., Торобов А. Познающее тело // Новый мир. – 2002. – №11. – С. 136–154.
5. Князева Е.Н. Понятие «Umwelt» Якоба фон Иксюля и его значимость для современной эпистемологии // Вопросы философии. – 2015. – №5. – С. 30–44.
6. Комина Э.В. Вербальная синестезия // Вестник Московского университета. Сер. 7. Философия. – 2006. – №2. – С. 83–95.
7. Кривцун О.А. Художник и его двойник. Самоотождествление и идентификация в творчестве // Человек. – 2006. – №4. – С. 63–81.
8. Мерло-Понти М. Око и дух. – М.: Искусство, 1992. – 63 с.

9. Микешина Л.А. Рецензия на кн. В.А. Лекторского «Эпистемология классическая и неклассическая (М., 2001) // Вопросы философии. – 2002. – №1. – С. 180–188.
10. Ницше Ф. Сочинения: В двух томах. – М.: Мысль, 1990. – Т.2. – 832 с.
11. Фейнменберг И.М. Человек Достроенный и биосфера // Вопросы философии. – 2006. – №2. – С. 151–161.
12. Фельденкрайз М. Осознание через движение: двенадцать практических уроков. – М.: Институт Общегуманитарных Исследований, 2001. – 160 с.

REFERENCES

1. Gorokhov V.G. Osnovy filosofii tekhniki i tekhnicheskikh nauk: uchebnik. – М.: Gardariki, 2007. – 335 s.
2. Zimmel' G. Izbrannoye. Sozertsaniye zhizni. – М.: Yurist, 1996. – Т. 2. – 607 s.
3. Ivanov D.V. Radikal'nyy enaktivizm i problema sub'yektivnosti // Voprosy filosofii. – 2016. – №11. – С. 60–69.
4. Knyazeva Ye., Torobov A. Poznayushcheye telo // Novyy mir. – 2002. – №11. – С. 136–154.
5. Knyazeva Ye.N. Ponyatiye «Umwelt» Yakoba fon Ikskyulya i yego znachimost' dlya so-vremennoy epistemologii // Voprosy filosofii. – 2015. – №5. – С. 30–44.
6. Komina E.V. Verbal'naya sinesteziya // Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. 7. Filosofiya. – 2006. – №2. – С. 83–95.
7. Krivtsun O.A. Khudozhnik i yego dvoynik. Samootozhdestvleniye i identifika-tsiya v tvorchestve // Chelovek. – 2006. – №4. – С. 63–81.
8. Merlo-Ponti M. Oko i dukh. – М.: Iskustvo, 1992. – 63 s.
9. Mikeshina L.A. Retsenziya na kn. V.A. Lektorskogo «Epistemologiya klassicheskaya i neklassicheskaya (М., 2001) // Voprosy filosofii. – 2002. – №1. – С. 180–188.
10. Nitshe F. Sochineniya: V dvukh tomakh. – М.: Mysl', 1990. – Т.2. – 832 s.
11. Feynmenberg I.M. Chelovek Dostroyennyy i biosfera // Voprosy filosofii. – 2006. – №2. – С. 151–161.
12. Fel'denkrayz M. Osoznaniye cherez dvizheniye: dvenadtsat' prakticheskikh urokov. – М.: Institut Obshchegumanitarnykh Issledovaniy, 2001. – 160 s.

РЕЗЮМЕ

В.А. Кóсяк. Енактивизм, «umwelt» та світ культури.

Когнитивий емпіричний суб'єкт розглядається як тілесне втілене «Я» в єдності пізнання, досвіду і активної дії, завдяки яким зовнішнє середовище стає його світом – umwelt – який зворотно на нього впливає. Показується, що світи життєвих сенсів різняться в залежності від «масштабу особистості». Обґрунтовується, що пізнавальна активність актора створює оточуюче його середовище, другу природу, світ артефактів, що

тілесний (чуттєвий, руховий) досвід суб'єкта виступає базовим у різних формах культури.

Ключові слова: енативизм, *umwelt*, тілесний досвід, тілесність пізнання, когнітивна рухова активність, органопроекція, світ культури.

SUMMARY

V.A. Kosyak. Inaktivism «umwelt» and the world of culture.

The cognitive empirical subject is regarded as a bodily embodied "I" in the unity of cognition, experience and active action, through which the external environment becomes his world - umwelt - back to him influencing. It is shown that the worlds of life meanings vary depending on the "scale of the individual". It is substantiated that the cognitive activity of the actor creates the surrounding environment, the second nature, the world of artifacts, that the body (sensory, motor) experience of the subject is basic in different forms of culture.

Key words: inactivism, umwelt, bodily experience, corporality of cognition, cognitive motor activity, organ projection, world of culture.

ЗМІСТ

РИЗИКИ ПРАКТИКИ СУПЕРТЕХНОЛОГІЙ: ФІЛОСОФСЬКІ АСПЕКТИ

Снегірьов І.О. Штучний інтелект: флуктуаційний аттрактор.....	3-24
Пономаренко Т.О. Філософський аналіз значення інформаційно-мережевої парадигми в осмисленні суспільства ризику на шляху до стійкої форми його розвитку.....	25-32
Зленко Н.М. Суспільство ризику: проблеми і перспективи.....	33-45

АКСІОЛОГІЧНІ ЗАСАДИ ХАЙ-ТЕК ТЕХНОЛОГІЙ І ПРОБЛЕМИ ТРАНГУМАНІЗМУ

Василега П.А., Наумкіна О.А. Біоетичні аспекти застосування генних технологій.....	46-54
---	-------